

— Анатолий, недавно вышел в свет том твоего «Избранного», где наконец напечатан «Эрон». Помню, какой был шум после публикации этого романа, казалось бы, от такого публицита один шаг до выхода книги... Но прошло чуть ли не пять лет. Почему шаг был столь долгим?

— Возможно, это обычная судьба «трудного» романа.

Роман рассчитан на терпеливого читателя. А у кого сейчас есть время читать толстые книжки?

Издатель отпугивает рикшет финансовых потерь.

Я тем более благодарен московскому издательству «Терра», которое рискнуло выпустить однотомник моей прозы.

— Ты называешь свою прозу трудной. Но как тогда прикажешь понимать твой триллер «Охота на ясновидца» — тот, где на обложке голая девушка на пистолете? Я читал его и считаю, что триллер не стыдно включить в собрание сочинений. Но...

— Но это целая история. Поняв, что мой «Эрон» никто не издаст, я решил заработать денег, чтобы напечатать его хотя бы малым тиражом за собственный счет. В голове мелькнуло: а что если по-быстрому написать небольшой кассовый романчик?

Слухи о гонорах поп-писателей кружили дураку голову.

Сначала я разработал сюжет, чего не делаю никогда, потому что мой писательский метод близок к импровизациям джамена. Согласись, Олег, текст должен быть всегда неожиданно, иначе ему грош цена. Живое рождается внезапно.

Написал план рукописи и поехал в издательство «Эксмо» с развернутой заявкой. У них раньше была практика давать аванс под идею, но в моем случае мнения главного редактора и директора разошлись. План книги отвергли. Тогда я решил писать роман на свой страх и риск. Начал было строчить по отмеренным сюжетным шагам — и не смог. Текст выходил абсолютно мертвым!

Что делать? Тогда возвращаюсь к привычной джазовой манере письма и решаю импровизировать сугубо сюжетную вещь. Постепенно ситуация доходит до полного абсурда — я накопал уже больше трехсот страниц, а не знаю, кто и зачем преследует мою героиню. Только в финале ситуация чудом вдруг проясняется в голове, а романский эпизод открывает наконец мне сверхмысль собственной импровизации... уф...

Итак, вместо компактного романа у меня на руках пухлая кипа листов. 700 страниц. Но, слава Богу, теперь-то мне все ясно, и я как добросовестный идиот сажусь переписывать сделанное в луче финала, то есть, как и положено для сюжетной вещи, пишу текст от тайного знания последней фразы, как бы от конца к началу.

Между тем за окном свежим ветерком — по-быстрому — пролетело два года.

И вот результат мышеловки: теперь у меня на руках два мудреных романа на один сюжет, но с совершенно разной фабулой. Полный облом! Один, толстый, называется «Охота на ясновидца», другой, потоньше, — «Змея в зеркале»...

Толстый роман и был опубликован в прошлом году.

— Заработал денег?

— Смеешься? Я наивно полагал, что за книгу, которая имеет успех у читателей, наши издатели и продавцы автору платят. Но жизнь все поставила на свои места. Десять тысяч тиража были проданы за три месяца только в одной Москве. В списках торговых фирм «Бук Трейд» и «Метро Пресс» я даже занимал первые строчки по количеству продаж книги в твердой обложке. И это без всякой рекламы. Ну и что с того?

Как воркутинский шахтер, который, орудуя отбойным молотком в забое, сидит без зарплат,

ты, так и я — столичный писатель — не имею никакого отношения к сверхприбыли посредников. За каторжный труд двух лет я получил едва ли 400 долларов.

При подобном же успехе своей книги за рубежом я бы смог достойно прожить пару лет и спокойно писать новую... Словом, не ходите, дети, в Африку гулять!

— Как ты думаешь, почему такая разница? Ведь у нас тоже как бы капитализм.

— У нас писатель оторван от продаж своей книги... Такой патологической, кромешной и ненормальной ситуации нет нигде в мире. Даже в Замбии.

Я-то наивно думал, что натошак живет только автор серьезной литературы. Но у нас, оказывается, прозябает и автор бестселлера!

Собных на мощных компьютерах фабриковать по две новинки в месяц. Писателю-одиночке такое просто не под силу. Кроме того, если твое имя раскручено, издатель все равно рискует не получить в срок рукопись. Писатель может, например, записать или схватить грипп. Другое дело, лихая команда.

Поварившись в этом соку, я знаю теперь лично многих из тех, кто наваривает детективы и боевики в одиночку. Они сутками слепнут за монитором, насилая слова, а ноги — в рваных носках... Даже крупное издательство сегодня платит за среднетолстую книгу едва-едва 10 тысяч рублей (цена шуки джинсов в бутике). Это потолок. Разве эти гроши можно назвать гонораром?

Образцом соцреализма был по сути текст и дух допроса. Против героя автор вел интенсивное следствие, выпытывая: ты кто? Наш ты или не наш... Объектом манипуляций в литературе было прежде всего именно общественное сознание читателей. Плюс гигантская пропагандистская машина. Цель проста — атака нового языка должна иметь последствия для читателя.

Что ж, террор языка против народа привел партию к фантомной победе — ведь психически коммунизм был построен. В итоге мы получили миллионы живых душ, замученных речью. Только матерясь, мы кое-как отделиваемся от метастаз новояза.

леко не первого ряда, роль поводыря слепых в век масс медиа литератору уже не сыграть.

Что ж, у нас появился шанс наконец заняться только литературой. Согласись, ведь словесность эстетически страшно запущена.

Можно не писать на злобу дня? И слава Богу!

Цель поэзии — поэзия, писал Пушкин. А он всегда прав.

— А как же быть с «народа честью и просвещением»? Что ты думаешь о нашем народе?

— Сам я из Перми, а вся моя деревенская родня живет на Урале. Моей бабушке уже 93 года, и недавно я съездил ее навестить. Деревня стоит на берегу реки, но в селе не осталось ни одной лодки! А я помню, сколько их было. Потерян вкус к жизни.

Чудовищные преступления власти не выводят на улицы и трех демонстрантов. Список измощения бесконечен...

Одним словом, народ надорвался от России, устал от тяжести государства, она уже для него неподъемна. Все тайком думают на уровне подсознания так: либо мы, либо ОНО! И этнос спасается тем, что потихоньку сбрасывает груз отечества в овраг мировой истории. Лишь бы как-то выжить самим.

— У тебя есть такая мысль, что сегодня только русский язык один и удерживает Россию от окончательного распада...

— Пожалуй, да, но прочность лингвистического матрикса не стоит преувеличивать. Молодая Америка говорила на английском, но это никак не помешало ее войне с метрополией и отпадению от Британии.

Но я хотел бы вернуться к твоему вопросу о поведении художника...

В семидесятые годы я с друзьями попал под колпак КГБ и в целях перевоспитания был призван после окончания вуза в армию строевым офицером. Была в те годы такая практика. Моих друзей сослали на границу с Китаем, а меня — в уральский дисциплинарный батальон. И хотя я был пехотным офицером, служить два года пришлось в роли опереточного военного следователя. Словом, я попал в зону. Бараки для осужденных солдат. Колочая проволока. Овчарки. Вышки. Таким способом мне хотели преподать наглядный урок и показать заодно возможное будущее.

Но я взбунтовался. Правда, мой протест был абсолютно эстетическим. Я принялся сочинять авангардный роман. Что-то в духе Гессе вкупе с Роб-Грийе. И это на фоне совершенно измочаленных судеб... Камеры гауптвахты с хлопкой на полу, чтобы зек от рвоты потерял сознание... Отчаянный солдатик с пришитыми прямо к голому телу пуговицами, игла с суровой ниткой, красной от крови, вколота в мочку уха... Мальчишеско-самоубийцы под откосом железной дороги и прочий телесный кошмар. Я сделал все, чтобы ни капли этой жизни не пропустить в солнечный чертот своей грандиозной грезы. И мне это удалось... Я вообще не написал ни единой строчки.

— В последнее время имидж писателя стал явно перевешивать значение того, что он пишет. Ты заботаешься о своем имидже?

— Сказать, что я безразличен к своему образу в глазах читающей публики, было бы большим лукавством. Надо бы как-то понравиться капризной моде, придумать бы громкую акцию в духе «Метрополя»... Но дальше такой вот гоголевской маниловщины дело не идет, ведь на создание имиджа и поддержание штанин без ремня потребуются вся жизнь.

Огонь в печи славы горит с такой яростью, что выходишь из пекла ну в совершенно изувеченном, даже похабном виде. А музы ужасно брезгливы...

— И последний вопрос — как пишется?

— В конце лета закончил новую повесть «Человек-язык», которую принял к публикации мой любимый журнал «Знамя». Надо бы садиться за новый роман, но я всячески тяну время... продолжаю прогулки пером вокруг классики. Сделал и опубликовал вольную копию пушкинской «Пиковой дамы», а сейчас вот увлекся продолжением гоголевского «Носа»... Всегда любопытно увидеть Мону Лизу Леонардо да Винчи не в фас, а в профиль.

— Знаю, что «Москва-Пенне» — это твоя первая литературная премия. Тем более поздравляю! И от лица всей редакции — тоже.

— Спасибо.

Олег ХЛЕБНИКОВ

НАРОД УСТАЛ

ОТ ТЯЖЕСТИ ГОСУДАРСТВА

Зато у некоторых модных писателей теперь рабы

Недавно жюри международной литературной российско-итальянской премии «Москва-Пенне» присудило премию трем писателям — Владимиру Маканину, Анатолию Киму и Анатолию Королеву. Анатолий КОРОЛЕВ — постоянный автор нашей газеты. Разговор с ним мы и предлагаем вниманию наших читателей

На последней книжной выставке-ярмарке осенью на ВВЦ наша российская драма шахтеров-писателей стала уже совершенно наглядной. Авторская книга со стендов практически исчезла. Предлагают в основном прикладную литературу. Справочники. Кулинарию. Лечебники.

— Как же тогда существуют авторы супербестселлеров? Книгами Марининой, Поляковой, Малышевой завалены все прилавки, и расхватывают их, как горячие пирожки в мороз.

— По всей видимости, тут мы имеем дело с псевдонимами мобильных команд, спо-

А ведь не секрет — книжный бизнес считается даже более прибыльным, чем продажа водки. Водки! Самое ужасное — то, что книги в России перестали кормить. Любые!

Выживают те из писателей, кто сдает свои квартиры внаем или добывает зарубежные гранты. Мой коллега торгует мороженым. Я живу на иждивении у случая.

— Скажи, может ли, потвоему, слово и вообще литература влиять на общественное сознание?

— Может, еще как может!

Вывод — современный текст не должен иметь никаких прежних последствий для человека!

— Но классическая литература врачевала душевные раны общественной жизни. А ты хочешь сочинять «красивое», как Бунин во время лиссабонского землетрясения?

— Раньше положение писателя в русском обществе было очень престижным, глас властителя дум был сильнее голоса власти... Так, смерть Толстого выбила из колеи жизнь России на несколько дней. Даже скорые поезда пошли без расписания.

Сегодня писатель — фигура да-

ни рекой. Никто не ловит рыбу. Не косит высоченную траву на островах. В воздухе разлитое чувство глубокой усталости. Живут без ухи, без белых петуний и красного бальзамина в палисадниках. Часть кладбища сползла в овраг... На глазах ослепевших сельчан пропали десятки родных могил. И только у моей мамы, горожанки, хватило духу заказать новый крест, привезти его на грузовике за 200 километров в деревню, отыскать одну заветную могилку и восстановить ее божеский вид.

Думаю, это был единственный местный поступок за последние десятилетия.

1.11.99
Королев Анатолий